

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(09)

О.Г. Мазаева

К ВОПРОСУ О РАКУРСЕ РАССМОТРЕНИЯ
А. БЕЛОГО Ф.А. СТЕПУНОМ*

Раскрываются некоторые особенности воплощения и осмысления философско-художественного опыта Андрея Белого в творчестве Ф.А. Степуна. Показано, что Андрей Белый «кисти» Ф.А. Степуна – пример особых трудностей, возникших перед художником.

Был он весь каким-то не «в точку» человеком.
Ф.А. Степун

... Живая личность Белого... – это последний
тайный лик всех его обликов.
Элис

Ракурсы рассмотрения личности и творчества Андрея Белого (1880–1934) разнообразны и многочисленны. Каждый портрет по-своему интересен, мнения о нём часто противоречивы. Образ, возможный на резонансе смысла всех (или многих) его зарисовок (включающих и автобиографические), требует трудной работы духа, души и ума. Среди многих современников А. Белого, чувявших сопричастность магии его творчества, был и Фёдор Августович Степун (1884–1965). Их философские искания были направлены к «метафизическому символизму» и «новой онтологии», наиболее адекватным способом постижения которых выступал эстетический гнозис, воплощённый в герменевтической практике. Масштаб искусства здесь как масштаб философии – не случайная, а законная мерность. Дар философа-художника раскрылся у Ф.А. Степуна как опыт портретирования, у А. Белого – как опыт контрапункта.

Говоря о термине «симфония», который А. Белый использовал в качестве определителя своего нового литературного жанра, Э.К. Метнер замечал, что этот термин «надо понимать не иначе, как понимаются термины: картина, портрет, в применении их к словесным описаниям и характеристикам; ни с музыкальным, ни с изобразительным искусствами слово в их формах соперничать не может, но проникновение, впитывание одним искусством элементов другого всегда было, есть и будет (курсив мой. – О.М.)» [1. С. 41].

* Данная статья – доработанный текст доклада, прочитанного автором в Москве на Международной научной конференции к 125-летию со дня рождения Андрея Белого «Андрей Белый в изменяющемся мире» (26 октября – 1 ноября 2005 года).

А. Белый и Ф.А. Степун являлись талантливыми практиками, развивавшими живописность и музыкальность своего словесного творчества; в то же время каждый из них стремился не только обрести, выразить, но и теоретически осмыслить свой философско-художественный опыт. В случаях Эллиса (1910), С. Аскольдова (1922), Ф. Степуна (1934) и др. обнаружилось стремление понять философско-художественный опыт А. Белого. Высоко оценивая удачный очерк о Белом Эллиса: «Белый почти совсем хорош, местами блестящ» [2. 230–231], Степун указывал (хотя не все его указания бесспорны) на философские слабости книги Эллиса; прямых отсылок Ф. Степуна к очерку С. Аскольдова [1. С. 488–513] нам не встречалось (сравнение их взглядов на А. Белого – предмет отдельного, выходящего за рамки данной статьи, сопоставления). Здесь важен ракурс, в котором Степун дал абрис философских устремлений Белого. Попытаемся раскрыть некоторые особенности воплощения и осмысления философско-художественного опыта А. Белого в творчестве Ф.А. Степуна.

Изобразительный опыт Ф.А. Степуна будет взят лишь в ряде черт по отношению к личности и творчеству А. Белого. В статье «Об опыте портретирования в творчестве Ф.А. Степуна» [3. С. 523–557] нами дана общая характеристика этого опыта, где отсутствие ссылок на портрет А. Белого отнюдь не случайно. Хотя многие считают вполне удавшимся портрет А. Белого, созданный Ф.А. Степуном [4. С. 968], следует заметить, что постижение личности и творчества *Андрея Белого* – это опыт, который только отчасти вписывался в канон живописца. Этот портрет – скорее исключение, которое подтверждает правило и особое мастерство художника. Ряд поставленных вопросов относительно личности и творчества А. Белого у Ф.А. Степуна остался открытым, неоднозначно решённым. А. Белый «кисти» Ф.А. Степуна – пример особых трудностей, возникших перед художником. Отметим некоторые штрихи правоты этой заявки.

Наличие акцента – одно из условий искусства портретирования Ф.А. Степуна. «Смещение акцента» в данном случае, по-видимому, вызывало у него некоторое смущение. Его слова о Белом: «был он весь каким-то не “в точку” человеком» [5. С. 170], – свидетельствуют об отсутствии важной для портретиста фокусировки – то ли по причине принципиальной неуловимости, то ли по причине неуловленности изображаемого. Мнение о неуловимости подкреплялось рассуждениями Степуна о «небытии Белого как человека», о его «монадологическом одиночестве», многочисленными указаниями на внутреннюю противоречивость А. Белого, который порой «явно охвачен каким-то творчески-полемическим иступлением» [5. С. 174].

Казалось бы, *историософское* измерение творчества А. Белого, которое Ф.А. Степун считал существеннее иных, прежде всего, психологических и психоаналитических трактовок, и есть тот самый *необходимый акцент* для понимания А. Белого (преодолевающий отмеченную неуловленность), но акцент этот всё же оказывался *недостаточным* для обретения нужного фокуса. Ведь в таланте А. Белого Ф.А. Степун усматривал «в высшей степени *атипичный* (курсив мой. – О.М.) и широкий синтез дарований» [5. С. 179], отмечал сложность, многообразие его творческих ипостасей. Он замечал, что многое в творчестве А. Белого прямо-таки вызывает к применению «фрейдов-

ских» методов исследования, но такое исследование не может быть определяющим. Слова Ф.А. Степуна о «несколько химерической историософской концепции панмонголизма» Белого или о «*историософских кошмарах*» бреда и галлюцинаций Александра Ивановича («Петербург») [5. С. 180–181] сопоставимы со словами В.Ф. Ходасевича (психоаналитический подход которого оспаривал Степун) о «*квазиисторических романах Белого*». В.Ф. Ходасевич писал о фантастичности романов и автобиографии Белого, который «окончательно разоблачил самого себя как *неисправимого мистика*... Автобиография Белого есть такая же “*серия небывших событий*”, как его автобиографические романы (везде курсив мой. – О.М.)» [6. С. 312].

Решение вопросов об источниках историософских идей, их связи с либерально-просвещенческой позицией А. Белого (у Ф.А. Степуна) требует специального представления и дополнительных пояснений. Этих вопросов мы здесь касаться не будем, отметим только, что объяснительные основания, уровни исследования «химерической историософии» и «квазиисторических романов» у авторов разные, их существенность для раскрытия творчества А. Белого вряд ли является взаимоисключающей или приоритетной, но всё же фокусировка образа А. Белого для Ф.А. Степуна оказывалась затруднительной.

И ещё, с одной стороны, Степун воспринимал Белого сквозь призму своего обобщения о том, что «трагедии духовной скудости и профессиональной узости Россия почти не знала. Обратная же трагедия – трагедия щедро отпущенных даров и связанного с этой щедростью дилетантизма – была уделом многих крупных дарований» [7. С. 244]. Так, привлекает внимание отзыв на книгу А. Белого «Символизм» в журнале Логос [8. С. 280–281]. Под отзывом литеры – Ф. С. (судя по всему, автор – Ф.А. Степун), узнаваемы и «конструктивная фантазия», и «образ поэта-мыслителя странно двойится», и размышления о профессионализме и дилетантизме: «Безусловно, «Символизм» – книга, написанная не философом (в современном смысле этого слова), но, во всяком случае, эта книга написана для всех современных философов. Безусловно, «Символизм» – книга, написанная дилетантом в философии. Но, читая её, начинаешь минутами соглашаться с известным утверждением, что всякое творчество сопряжено с дилетантизмом. Раскрывая скобки профессионализма, мы невольно меняем все минусы труда Белого на плюсы его, как творца» [8. С. 281]. В 1927 г. Давая обзор критической литературы о себе, А. Белый указывал: «В России книгу замолчали» [1. С. 32], в комментарии «К «Указателю» критической литературы обо мне» [1. С. 905–909] сведений на этот счёт не имеется. Либо отзыв Степуна был к тому времени забыт, либо он не счёл его существенным. Хотя дважды подчёркивал, что Степун писал о нём дружественно. С другой стороны, он сожалел, что «наиболее оригинальный и значительный Белый мало кому интересен и доступен ... (что он. – О.М.) *ещё до сих пор не попал ... в фокус пристального внимания исследователей русского сознания и русского искусства (курсив мой. – О.М.)*» [5. С. 179].

Поиск духовной глубины. Напряжённые духовные искания определяли жизненный путь А. Белого, оставшегося без духовно-церковного водительства; позднее А. Мень заметил: «Андрей Белый – человек ранимый, непри-

каянный, трагически не понявший церкви ... церковь была в этом частично виновата: такие хрупкие люди, как Андрей Белый, нуждались в особом подходе» [9. С. 354]. Антропософия, если выразиться словами самого А. Белого, сказанными по другому поводу, стала его стремлением к снятию антитез, движением под знаком: «я не говорю, что я нашёл, я ищу» [10. С. 244].

Духовность А. Белого подчёркивали многие его современники: «Пленный дух» (М.И. Цветаева), «Дух, летающий по Москве» (Н. Валентинов). Эллис (1910) отмечал, что Белому свойственно «пробуждение нового Бога внутри себя через созерцание Вечной Женственности» [11. С. 214]. Он писал, что каждое стихотворение Белого неминуемо жаждет превратиться в молитву, дифирамб или «в исповедь своей последней глубины... исповедь, окрашенную в символично-мистический характер» [11. С. 215]. О.Д. Форш («Пропетый Гербарий», 1925) подчёркивала не выражение мистических глубин в «Петербурге», а лишь стремление Белого дать критику псевдомистическому. Рассматривая «Петербург» А. Белого, прежде всего, как обличение аблеуховщины (интеллигентской болезни «*mimicria mystica*»), она замечала: «Как не верится в сибирский рай Раскольникова, так же не верится и возрождению Аблеухова. После столь прочной “остуды сердца” мало отрастить золотую лопатообразную бородку и взять в руки томик Сковороды...» [1. С. 709]. Иной тон у Ф.А. Степуна, который, заключая очерк (1934), обнадёживающе указывал, что «бывший революционер и почти отцеубийца Николай Аблеухов появляется в последних строках эпилога к “Петербургу” следящим за полевыми работами загорелым детиной с лопатообразной бородой и в мужичком картузе. Его видят в церкви, и, слышно, он читает философа Сковороду» [5. С. 185].

Духовность А. Белого для Ф.А. Степуна очевидна: «Он скорее развертывался перед тобой каким-то небывалым событием духа... нечто внечеловеческое, дочеловеческое, сверхчеловеческое чувствовалось и слышалось в нём гораздо сильнее, чем человеческое» [5. С. 170], или «Реющее над землёй существо в Белом постоянно поправляло своего земного наблюдателя» [5. С. 171], или «Все невнятицы, туманности и путаницы Белого суть явления *высоты*, на пути к которой Белый умел бывать и внятным, и ясным, и чётким» [5. С. 173].

О чрезмерных трудностях передачи духовного начала в творчестве и образе А. Белого свидетельствуют показательные ремарки в очерке Ф.А. Степуна: «Белый и антропософия большая тема, которой я по существу в этой статье не касаюсь» [5. С. 181]. Или: «Решать ... вопрос отношения сверхличного “Я” “Эпопей” и Божьего лика я в этой статье не берусь; он слишком сложен» [5. С. 186]. Или: существует «безмерно значительная... но на основании всего опубликованного Белым *неразрешимая проблема сущности и природы того “Я”, в котором умирает человеческая личность* (курсив мой. – О.М.)» [5. С. 185]. У Эллиса (1910) читаем: «Когда завершался сложный, таинственный процесс зарождения в душе Ницше его второго “я”, лика Заратустры, Ницше, погибая как личность, в этом чуде превращения, как лирик, глядел извне на это превращение. Едва ли станет понятным его “Силь Мария” тому, кому чужд его “Заратустра”» [11. С. 215–216]. Погибающая личность Ницше возрождалась в лике Заратустры. Но что такое «Я» Белого?

Это, как писал Степун, «не сомнительная реальность тёмно-невнятного коллестивистического “Я”» [5. С. 185]. Так что же это – антропософская величина или пробуждавшееся «Я» подлинно Божественно-личностного порядка? Данный вопрос Ф.А. Степун оставил открытым.

Поиск и характеристика духовной глубины – центральный и обязательный пункт портретного канона Ф.А. Степуна. Случай с А. Белым, пожалуй, исключительный, когда он «не касается» и «не берётся» решать этот вопрос как «слишком сложный». При всей несомненности существования духовного начала в А. Белом оно для Ф.А. Степуна неопределимо, непостижимо, невыразимо, и он обращается к характеристике сознания Андрея Белого.

Ф.А. Степун о сознании А. Белого. Жанр очерка, других мемуарных свидетельств, библиографических обзоров, открытых писем А. Белому не предполагал специального исследования этой темы Ф.А. Степуном; она предьявлена им в неисчерпанности своей, и хотя здесь меньше гадательности, всё же есть и свои потаённости, которые связывались Степуном с двуплановостью сознания, с особой «раскосостью» беловского взгляда.

Понятия «сознание», «внутренний мир», «Я» Белого у Степуна не разведены, часто синонимичны. Внутренний мир – абсолютно безбрежен. Во «всеохватывающем» творчестве А. Белого нет тверди ни земной, ни небесной. Он «всю жизнь носился по океанским далям своего собственного Я, ... каждый очередной берег Белого ... снова оказывался ... на миг отвердевшей “конфигурацией” волн» [5. С. 165]. Степун, по-видимому, вдохновлялся здесь пассажем И. Канта об острове – «царстве истины» и бушующем океане – «средоточии иллюзий», втягивающем мореплавателя в «авантюры, от которых он никогда уже не может отказаться, но которые он, тем не менее, никак не может довести до конца» [12. С. 299–300].

Сознание Белого Степун рассматривал как имманентное, враждебное трансценденции. Это – лейбницевская монада. Сознание таило, отражало и выражало мир рубежа столетий, в котором он жил и «из глубины которого творил, с максимальной чёткостью и ясностью. За эту *верность* своей эпохе... в её тайных, угрожающих *бесформенностях*, за *верность* эпохе... назревающих в ней *катастроф*... (взрыва. – О.М.) всех привычных смыслов, Белый и заплатил трагедией своего *небытия* и одиночества... *Творчество Белого* – это единственное по силе и своеобразию воплощение *н е б ы т и я* “рубежа двух столетий”, *это художественная конструкция всех деструкций* (везде курсив мой. – О.М.)» [5. С. 176].

Степун не сомневался, что всё созданное А. Белым войдёт в историю русского сознания (по линии Ф.М. Достоевского – В.С. Соловьёва, но не А.С. Хомякова – Л.Н. Толстого) как «*философия революции и метафизика небытия*». Все главные, пророческие темы Белого «*суть темы взрыва культуры, взрыва памяти, взрыва преемственной жизни и сложившегося быта*» [5. С. 182]. Казалось бы, взрыву всех смыслов должны соответствовать хаотичность сознания и речевая невнятица, но у Белого, как человека переломной эпохи, происходит «обострение логической совести», повышение и «утончение сознательности». Степун отмечал, что «*линия рационалистически-методологического разложения целостного сознания* (курсив мой. – О.М.)... берущая своё начало в софистике и восходящая через Декарта к

Канту, ощущается в “Эмблематике смысла” очень глубоко и защищается Белым весьма серьёзно, не без подлинного гносеологического блеска и пафоса» [5. С. 179–180]. Превращение Белым «быта во фреску», «познания в метод», панметодологизма в панмонголизм Степун оценил как «явления одного и того же порядка, явления *разложения в душе ... непосредственного чувства подлинного бытия* (курсив мой. – О.М.)» [5. С. 181].

Личности Белого, по Степуноу, присущи «органический либерализм», «либерально-просвещенческий дух»; Белого он назвал «выкормышем XIX века». Степун писал: «Интеллигентски-профессорская либеральная закуска Белого сказывается, прежде всего, *в полном отсутствии в его сознании всех первично консервативных пластов духа и опыта, он был существом крылатым, но лишённым корней* (курсив мой. – О.М.)» [5. С. 182]. Такому существу трудно быть прикреплённым к «пространственно-бытовым», «историческим», «церковным» и другим основам. Указывая на радикальную отрезанность от всех консервативных начал, которую Белый не только чувствовал, но и сознавал, считая себя свободным «от пут рода, быта... местности, национальности, государства» [5. С. 182], Степун одновременно вопрошал: «Принадлежал ли сам Белый до конца ... к миру небытия и катастроф или в нём ... росла и поднималась подлинная сверхличная реальность ... подлинная реальность образа и подобия Божия, как единственно животворящей основы личной, социальной и национальной жизни» [5. С. 185]. Опять мы подошли к этой трудности изображения А. Белого: с одной стороны, он сумел воплотить в творчестве мир небытия своего времени, заплатил за это «трагедией собственного небытия», утратил «чувство подлинного бытия»; с другой стороны, принадлежал ли он до конца к этому миру небытия? Вопрос оставался открытым, а допущение предположительным.

Ф.А. Степун мастерски передал своё ощущение «небытия А. Белого», высказал догадку о «метафизике небытия» как ноуменальной основе творчества А. Белого. Просматривается связь «метафизики небытия» с онтологией сознания и со своеобразной онтологией языка. Существует «проговариваемое» Белым; он обречён видеть мир и людей в свете своей «конструктивной фантазии». Зарисовка Степуном Белого: «Говорит об общих знакомых, писателях, философах и, Боже, что за жуткие карикатуры изваяет он своими гениальными словами! ...он ... рождает и развивал свой образ, всегда связанный с оригиналом существеннейшим моментом острого, призрачного, ночного сходства, но в целом предательски мало похожий на живую действительность» [5. С. 174].

Онтология сознания создавалась озвученным воображением Белого. Это было воплощение мира такого «небытия», «нирваны», «ничто», такой реальности, где всё тождественно всему, где равнозначны все возможности, где осуществимы самые немыслимые метаморфозы. Так, кантианский «тезис непознаваемости абсолютного бытия *превращается* Белым в *метафизический тезис буддизма*, в утверждение небытия (нирвана), как единственно подлинного всебытия; и ... Кант, “*кёнигсбергский китаец*”, водружается в восточном кабинете Николая Аполлоновича Аблеухова, почитателя Будды, – в качестве *патрона как его нигилистически-террористических медитаций, так и организационной фантастики* (нумерация, циркуляция серий, квадра-

ты, параллелепипеды, кубы) его сановного *отца* (везде курсив мой. – О.М.)» [5. С. 179].

Логика у Белого «всё чаще форсируется фонетикой», наблюдается непомерное стремление к отождествлениям: «В этой химерической приравненности движения к неподвижности приравнены в “Петербурге” все остальные полярности. Бытие в нём равно небытию, болезнь – мудрости, патология – онтологии» [5. С. 183–184].

Определяя сознание Белого как «абсолютно имманентное», Степун замечал, что «анализом образов Андрея Белого и его словаря, его слов-фаворитов можно было бы с лёгкостью вскрыть правильность этого положения» [5. С. 165]. Борьба Белого со всеми, по Степуну, – это его борьба с самим собой за себя самого, и он «фехтует ... с призраками своего собственного сознания ... моментами ... монадологически в себе самом замкнутого “я”» [5. С. 169]. Степун подчёркивал интенциональность сознания А. Белого; так, например, когда Белый дописывал свою мистическую панораму, Блок уже разочаровался в мистике, и он «обрушился на Блока как на сбежавшую из его мистической панорамы центральную фигуру» [5. С. 168]. Зигзаги внутреннего развития А. Белого Степун объяснял полемическим характером его мышления: движутся «слои и планы его изначальной душевной субстанции ... при всей невероятной подвижности своего мышления ... всё время стоит на месте ... подымается и опускается над самим собой, но не развивается» [5. С. 167].

Мышление А. Белого Ф.А. Степун (в очерке и открытом письме А. Белому) дал через метафоры фехтования, хореографии, циркового искусства (балансирование, акробатика, эквилибристика). В языке А. Белого, как и в подвижности его сознания и мышления, Ф.А. Степун обнаруживал нечто жонглирующее. Во время одной из встреч с А. Белым главный разговор шёл не со Степуном (его собеседником), а сосредоточился на диалоге Белого со своим двойником в зеркале. Слова Белого, писал Степун, – всё «многозначнее перепрыгивали по смыслам, а смыслы всё условнее и таинственнее перемешивались друг с другом» [5. С. 175]. В словесной игре А. Белого, замечал Степун, «нельзя не видеть попытки сближения “истины” и “бытия”, т.е. тенденции к *онтологическому*, *бытийственному* (курсив мой. – О.М.) пониманию истины» [5. С. 166].

Отметим характеристику, важную для понимания мышления А. Белого. При высочайших аналитических способностях его творческий потенциал выявлялся в склонностях к синтезам, причём достаточно точно отражают особенность этих синтезов удачные словосочетания (используемые в других целях) «*атипичный синтез*» (Степун) или «*совместимость несовместимого*» (Ходасевич). Это уникальный способ творения и раскрытия А. Белым новых конкретных смыслов. Кант – «*кёнигсбергский китаец*», а Ницше – «*современный александриец*» [5. С. 181]. Только «*кёнигсбергский китаец*» (каков горизонт! – необъятный, обнимающий, втягивающий всё) мог быть средоточием противоречивых крайностей («нигилизм» – «организация»). Белому, конечно же, известен Ницше как враг наукообразности александрийцев эпохи эллинизма. Степун замечал, что, с одной стороны, Белый защищал «александрийский период античной культуры» против нападок со

стороны Ницше, с другой – выводил пророческие (вещие) свойства духа Ницше (что было бы недопустимо для самого Ницше) из эклектической культуры александрийцев эпохи эллинизма. Степун считал, что Белый «не замечал зловещности защищаемого им знака равенства между “вещностью” и эклектизмом, пророчеством и культуртрегерством». Здесь же Степун отмечал, что в «Символизме» Белого «странным образом переплетаются и борются две по своей природе весьма различные идеи»: идея нового символического искусства, «теургия» (по В.С. Соловьёву), и идея эклектизма александрийской эпохи. Культура, по Белому, продолжал Степун, «есть не что иное, как максимально широко развёрнутый метод подхода к действительности», и «задача символического искусства заключается в новой комбинации всех культур и мирозерцаний в целях наивозможно полного охвата жизни» [5. С. 181].

Характеристики Канта, Ницше, «зловещность равенства» или «странное переплетение идей» – не просто дань броскости парадоксальных формул в усмотрении неожиданных возможностей или таких метаморфоз и равенств, которые немыслимы в другом контексте (или тексте). Основы этих сопричастий, синтезов гораздо глубже, они – экзистенциальны, онтологичны: вспомним, что в таланте Белого Ф.А. Степун усматривал «в высшей степени атипичный и широкий синтез дарований» [5. С. 179], среди них и культуртрегерство, и наличие пророческого дара, и многое ещё.

Необходимо, как нам кажется, учесть особую оптику видения А. Белого; не линейная, а сферическая перспектива была его идеалом не только в «науке видеть», но и, допустим, «в науке знать» [10. С. 293–294].

Психологический генезис «атипичных синтезов» хорошо вскрыл Ходаевич. Он писал: «Каждое явление, попадая в семью Бугаевых, подвергалось противоположным оценкам со стороны отца и со стороны матери... Сперва это ставило в тупик и пугало. С годами вошло в привычку и *стало модусом отношения к людям, к событиям, к идеям*. Он полюбил *совместимость несовместимого, трагизм и сложность внутренних противоречий* ... научился понимать, что в таком притворстве *нет внутренней лжи*. Потом ту же *двойственность отношения* стал он переносить на других людей – и это создало ему славу двуличного человека. ... В самой природе его двуличия не было ни хитрости, ни оппортунизма. И то и другое он искренно ненавидел... Но и во лжи нередко высказывал он только то, что казалось ему “*изнанкою правды*”, а в откровенностях помалкивал “*о последнем*” (езде курсив мой. – О.М.)» [6. С. 297].

Основы атипичных синтезов – в особой архитектонике сознания А. Белого, в чрезвычайной подвижности всего состава его сознания, в методологизме его. Панметодологизм Белого, по Степуну, достигал особой остроты «с переносом идеи методологического плюрализма в сферу культуры» [5. С. 181]. Плюро-дуо-монизм открывал необозримые перспективы неожиданных единств, «химическую приравненность», «совместимость несовместимого». Исследование (прямо-таки какое-то «испытание») метода, как и многих других философских заданий, проходило у Белого ряд модуляций и приводило порой к неожиданным и неоднозначно толкуемым следствиям.

С одной стороны, как было сказано выше, Степун указывал на стремление Белого к сближению истины и бытия. С другой – считал, что панметодологизм Белого мешал ему раскрывать субстанциальную сущность, укоренённость явления: «Церковь, о. Вукол... – всё это лишь внешним кустодиевским плакатом опавший гоголевский приём. Всего этого нет, не только в бытовом плане... но и в *бытийственном* ... Все ... образы не типы... а декоративные персонажи, лишённые индивидуальных черт обобщения. В них очень много краски и орнаментальной линии, но мало крови, плоти и духовной субстанции (курсив мой. – О.М.)» [5. С. 178–179]. Здесь Ф.А. Степун стремился показать, что чрезмерная увлечённость методом выхолащивает укоренение.

Сам Ф. Степун ко времени написания очерка правоверным неокантианцем уже не был, у него самого сильны допущения и метафизического, и феноменологического толка. Он не стремился пренебречь другими философемами или их сопряжением, что и подметил В. Виндельбанд, который (при формировании русской редакции журнала «Логос») прозорливо шутил: «Будьте осторожны, вы ещё причалите у монахов» и опасался, по словам Ф.А. Степуна, «что мы, его ученики, изменим идеям критического кантианства» [7. С. 136]. Неокантианство действительно ведёт к упразднению онтологии. Относительно онтологии старого типа дело обстояло именно так. Онтологический и лингвистический поворот XX века связан в немалой степени и с поисками А. Белым новых путей в этом направлении.

Показательны в этом отношении размышления А. Белого над философскими и теоретическими проблемами мысли и языка, его представления о «будущем языке», осуждение собственной «зауми» (когда в молодости «пытался сложить свой язык; придумал грамматику, синтаксис»), «зауми» В. Хлебникова, других; показательны его фантазии на тему языка в поэме «Глоссолалия», соображения о том, что «в голосах и ритмах природы есть нечто, что как бродильный фермент должно войти в речь человека, чтобы преобразить её, сделать снова конкретной и сильной» [10. С. 112–113].

Для А. Белого бытийственна «метафизика небытия», ей вполне коррелятивна онтология такого вот орнаментального толка, онтология теневого, призрачного, ночного сознания, мира, построенного до полноты воображением, пронзённого реальностью кризисного мысле-чувствования. Это попытка довысветить те стороны сознания, которые ощутимы лишь в сферической перспективе. В перспективе «*panta rhei*» Гераклита, «всё во всём» Анаксагора, «вечного возвращения» Ф. Ницше. К этому стремится А. Белый, которому свойственны «выявления новых измерений», «художественная стереометрия» и чья точка зрения – «с высоты», по С. Аскольдову, или «на пути к высоте», по Ф. Степуну.

Эллис писал: «А. Белый многолик и всегда трагически противоречив ... (он. – О.М.) лишь мучительно, лишь динамически и диалектически целен, как живая, человеческая личность ... сама живая личность Белого, этот последний символ всех его символов, первая и последняя посылка всех его теорий, это последний мотив и мелодия, последний тайный лик всех его обликов» [11. С. 182–183]. Эллис указывал на поразительное сходство Ф. Ницше и А. Белого: «Каждое отдельное звено учения и художественного

творчества Ф. Ницше может быть ... отвергнуто; многие звенья ... безнадежно противоречивы и ... несоизмеримы; все звенья, взятые вместе, странно гармоничны, целое его провозвестия... озарённое внутренним ореолом его интимного «я»... невыразимо-стройно, музыкально-ритмично. То же свойство присуще и А. Белому» [11. С. 183].

Ф. Степун трагическую противоречивость А. Белого тоже видит; более того, она фатально сопутствует его собственным представлениям о Белом, «последний тайный лик» Белого остаётся сокрытым, но о сознании А. Белого, об отношении творчества Белого к его ноуменальной основе он многое сумел сказать.

Описание философско-художественного опыта Степуна нами сознательно было сужено до фиксации трудностей, испытываемых им при создании портрета А. Белого. Всё, что входит в удачу живописца, содержится в живой передаче картин встреч Степуна с Белым.

Ф.А. Степун и А. Белый демонстрируют разные стороны метафизического символизма и в его пределах представляют как бы разные полюса. Степун, чем далее, тем больше, уходит в сторону религиозно-философской метафизики, к идеям положительного всеединства, как представляется, по линии от Соловьёва к Хомякову; Белый устремлён к «метафизике небытия» – новой метафизике, к «новой онтологии» – онтологии сознания и онтологии языка.

Литература

1. Андрей Белый: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А.В. Лаврова. СПб.: РХГИ, 2004. 1048 с.
2. Логос: Международный ежегодник по философии культуры. 1911. Кн. 1. М.: Территория будущего, 2005. 256 с.
3. Г.Г. Шпет. Comprehensio // Четвёртые Шпетовские чтения: Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 596 с.
4. Степун Ф.А. Сочинения. Сост., вступ. статья, прим. и библи. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. 1000 с.
5. Степун Ф.А. Памяти Андрея Белого // Степун Ф. Встречи. Изд. 2-е. Нью-Йорк: Товарищество Зарубежных Писателей. 1968. С. 160–186.
6. Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное. М.: Советский писатель, 1991. 668 с.
7. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 1994. 651 с.
8. Логос: Международный ежегодник по философии культуры. 1910. Кн. 1. М.: Территория будущего, 2005. 304 с.
9. Мень А.В. Мировая духовная культура, христианство, церковь. Лекции и беседы. М., 1995, 671 с.
10. Бугаева К.Н. Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл. и коммент. Дж. Малмстада. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 448 с.
11. Эллис (Кобылинский Л.Л.). Русские символисты. Томск: Водолей, 1996. 288 с.
12. Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.